This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

x777 B5B88 Byshov Pedagogicheskie Vzgliady V.G. Bielinskago

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

371
Б-95

М. Ѳ. Быстровъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЕ ВЗГЛЯДЫ В. Г. БѢЛИНСКАГО.

Оттискъ изъ VI в. «Филол. Зап.» за 1898 г.

ВОРОНЕЖЪ.
Типографія В. И. Исаева.
1900.

181935K.

Bystrov, M. F.

371
Б 95

М. Ѳ. Быстровъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЕ ВЗГЛЯДЫ В. Г. БѢЛИНСКАГО.

181935

Оттискъ изъ VI в. «Филол. Зап.» за 1898 г.

Республиканская библиотека

ВОРОНЕЖЪ.
Типографія В. И. Исаева.
1900.

ВЖ

PG 2947
B5 B88

Печатается безъ предварительной цензуры.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЕ ВЗГЛЯДЫ В. Г. БѢЛИНСКАГО.

26 мая, 1898 года, исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня кончины В. Г. Бѣлинскаго, этого Bessarione furioso—«неистоваго Виссаріона», какъ прозвали его въ шутку друзья. Да! Виссаріонъ Бѣлинскій былъ, дѣйствительно, «неистовымъ Виссаріономъ», ибо онъ, по словамъ его біографа А. Н. Пыпина, «былъ одинъ изъ самыхъ пламенныхъ приверженцевъ новыхъ идей и, безъ сомнѣнія, самый дѣятельный распространитель и защитникъ ихъ въ литературѣ». Это была удивительно стойкая и горячо преданная исканію истины натура. Онъ былъ готовъ забыть все для истины, а хотя и впадалъ въ ошибки, но кто же не ошибается? Кому истина дается съ разу? И всѣ заблужденія, всѣ ошибки, не могутъ быть поставлены ему на видъ: такимъ людямъ многое простится, потому что они возлюбили много.

Жизнь Бѣлинскаго есть глубоко поучительная для насъ повѣсть, но не эта внѣшняя жизнь, нѣтъ, она, можно сказать, бѣдна фактами, а его внутренняя жизнь, не жизнь тѣла, а жизнь его могучаго и высокаго духа, выраженіемъ которой служитъ 12 томовъ его сочиненій.

Что было особенно замѣчательнаго во внѣшней жизни Виссаріона Григорьевича? Она вся можетъ быть передана въ нѣсколькихъ словахъ. Родился онъ въ маѣ 1810 г. въ городѣ Свеаборгѣ. Отцемъ его былъ лекарь флотскаго экипажа, а мать—дочь одного флотскаго офицера. Въ невеселой обстановкѣ протекло дѣтство, самая нѣжная пора жизни В. Г. Когда пришла мальчику пора учиться, его отдали въ Чембарское училище. Смотритель этого учебнаго заведенія былъ далеко не заурядным педагогомъ. Онъ понялъ весь вредъ такъ называемаго задалбливанія учениками уроковъ, но заботился о твердомъ и вполнѣ отчетливомъ усвоеніи учащимся юношествомъ преподаваемой науки. По крайней мѣрѣ такое впечатлѣніе онъ произвелъ на тогдашняго директора училищъ нашего извѣстнаго пи-

сателя Лажечникова. Подъ руководствомъ такого опытнаго и умѣлаго педагога способности мальчика Бѣлинскаго развивались блестяще, и своимъ умѣніемъ набрасываться на предлагаемые вопросы и быстро разрѣшать всѣ заключавшіяся въ нихъ трудности онъ такъ поразилъ директора училищъ Лажечникова, что тотъ съ первой же встрѣчи прозвалъ его ястребкомъ. Вскорѣ послѣ этого мы видимъ Бѣлинскаго уже воспитанникомъ Пензенской гимназіи. Среди преподавателей не всѣ были приверженцами стариннаго пріема вбиванія, (въ буквальномъ смыслѣ этого слова) науки въ своихъ учениковъ и требованія буквальнаго, хотя и неразумнаго, усвоенія учащимися учебныхъ книгъ. Мы можемъ указать среди преподавательскаго персонала даже такого глубоко и всесторонне образованнаго человѣка, какимъ былъ М. М. Поповъ,—преподаватель естественной исторіи, сгоравшій исключительною страстью къ русской литературѣ. Вліяніе этого преподавателя на бойкаго и развитого мальчика-Бѣлинскаго было огромно. Отъ его книгъ, чтенію которыхъ съ такою страстью отдавался В. Гр., отъ него были получены первыя свѣдѣнія о Гете, Вальтеръ-Скоттѣ, Байронѣ, Пушкинѣ, романтизмѣ и обо всемъ, что волновало въ то доброе время молодое сердце. Но такіе преподаватели были рѣдностію, общій же уровень ихъ стоялъ гораздо ниже. Живой пытливый умъ Бѣлинскаго не находилъ достаточной пищи въ современной ему схоластической наукѣ. У юноши зараждается желаніе поступить въ университетъ, для чего прежде не требовалось полнаго окончанія гимназическаго курса, а лишь удовлетворительный отвѣтъ на пріемномъ экзаменѣ. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ обстоятельствъ В. Гр. начинаетъ сильно манкировать, плохо заниматся тѣмъ, что преподавалось на урокахъ, а все свободное время посвящаетъ изученію греческаго языка, который не преподавался въ гимназіи, но требовался для поступленія на словесный факультетъ. Такой образъ дѣйствій, конечно, скоро вызвалъ протестъ со стороны гимназическаго начальства,

и Бѣлинскій былъ удаленъ за нехожденіе въ классы. Послѣ всѣхъ горестей, ему наконецъ начинаетъ улыбаться счастье; скоро мы видимъ его уже въ числѣ казеннокоштныхъ студентомъ Москов. Университета.

Среди профессоровъ того времени было еще много сыновъ XVIII вѣка, приверженцевъ уже устарѣвшей науки XVIII вѣка, отставшаго отъ современнаго новому поколѣнію состоянія наукъ.

Лекціи такихъ профессоровъ проходили въ томъ, что они съ каѳедры ораторствовали о какой либо устарѣлой схоластической тонкости своей науки, а студенты школьничали, или ловили впущеннаго въ аудиторію воробья или напѣвали какіе либо веселые мотивы танцевъ. Бѣлинскаго, юношу уже въ гимназіи много читавшаго и потому по своему развитію, стоявшаго выше обыкновеннаго уровня студентовъ того времени, такія науки, конечно, удовлетворять не могли. Начинается цѣлый рядъ непріятностей съ начальствомъ. Къ этому присоединяется еще гоненіе за написанную имъ драму «Дмитрій Калининъ», въ которой былъ затронутъ вопросъ о положеніи крѣпостныхъ крестьянъ и въ которой цензура, нераздѣльная въ то время отъ университетскаго начальства, усмотрѣла непростительную вольность и крайнее свободо-мысліе,—и Бѣлинскій былъ исключенъ изъ университета. Наука закрыла двери передъ этимъ недоучкой, стоявшимъ однако по своему развитію и образованію выше многихъ своихъ товарищей, благополучно достигшихъ университетскаго диплома. Съ тѣхъ поръ начинается крайне бѣдственная жизнь В. Гр., жизнь, которая способна была, кажется, совершенно заглушить вопль и стремленіе къ высокому идеалу и совершенно потопить болѣе слабого духомъ человѣка въ омутѣ житейскихъ дрязгъ и мелочей.

Однако Бѣлинскій былъ не изъ числа ихъ. Часто голодая, въ нетопленной каморкѣ онъ не упалъ духомъ, но продолжалъ служить истинѣ, искать ее и, можно смѣло утверждать, скорѣе бы согласился на голодную смерть, чѣмъ на малѣйшую сдѣлку съ совѣстью

или малѣйшее уклоненіе отъ пути влекущаго его, сіявшею ему путеводной звѣздой идеала. Мы видимъ его то учителемъ, то переводчикомъ для журналовъ, то наконецъ сотрудникомъ журналовъ «Мысли», «Телескопа», «Отечествен. Записокъ». Среди этой срочной журнальной работы Бѣлинскій и умеръ отъ чахотки, сломившей наконецъ его слабый и болѣзненный организмъ.

26 Мая 1848 г. В. Гр. скончался и погребенъ на Волковскомъ кладбищѣ. Могила его находится рядомъ съ могилами ранѣе его умершихъ критиковъ Добролюбова и Писарева. Такъ кончилась внѣшняя жизнь нашего высоко-талантливаго писателя, но онъ не умеръ совсѣмъ. Оставленное имъ литературное наслѣдіе никогда не позволитъ намъ забыть его. Его сочиненія — это полное отраженіе его внутренней жизни, со всею тоскою, со всѣми муками страстнаго, трепетнаго обожанія истины, со всѣми тревогами исканія ея. О богатствѣ его внутренней жизни, жизни его души и сердца, мы можетъ судить по этимъ 12 томамъ его сочиненій. Чего, чего нѣтъ въ нихъ?! Это цѣлая энциклопедія: тутъ и полное и увлекательное изложеніе ученія философовъ Шеллинга, учившаго, что міръ есть воплощеніе божественной идеи въ чувственныхъ образцахъ и что всякая отдѣльная личность въ мірѣ служитъ выраженіемъ общей идеи, и Гегеля, утверждавшаго, что все дѣйствительно разумно тутъ, и разборъ всѣхъ вопросовъ эстетики, тутъ, и эстетическая оцѣнка всѣхъ рѣчей, произведеній нашей русской словесности, начиная съ народныхъ эпическихъ и лирическихъ пѣсенъ и кончая произведеніями современныхъ поэтовъ и писателей, тутъ и цѣлый рядъ психологическихъ наблюденій, тутъ, наконецъ, и полное выраженіе мнѣній и взглядъ писателя относительно воспитанія юношества. Разобраться во всѣхъ произведеніяхъ его, подробно разсмотрѣть все, высказанное въ нихъ Бѣлинскимъ, потребовало бы слишкомъ много времени, и потому мы должны нѣсколько сузить свою задачу и, по возможности подробно, познакомиться хоть съ одною какою-либо стороною вопроса.

Итакъ обратимся къ разсмотрѣнію мнѣній и взглядовъ В. Гр. Бѣлинскаго на воспитаніе, какъ на вопросъ слишкомъ близкій намъ, захватывающій насъ своимъ глубокимъ интересомъ. Прежде всего мы должны познакомиться съ вопросомъ, какъ смотрѣлъ В. Гр. на современное ему воспитаніе молодыхъ людей. Вотъ, что читаемъ мы поэтому поводу у него:

Ребенокъ ѣстъ что ни попало и сколько хочетъ,— что нужды! говорятъ нѣжные родители: вѣдь онъ еще дитя! Ребенокъ мучитъ собаку или колотитъ двороваго мальчишку,—что нужды! восклицаютъ заботливые родители: вѣдь онъ еще дитя! Дѣти ссорятся, кричатъ между собою, и если ихъ крикъ, брань и слезы не мѣшаютъ папенькѣ и маменькѣ соснуть послѣ обѣда или поговорить съ гостями,—что нужды! вѣдь они дѣти, пусть себѣ ссорятся и кричатъ: выростутъ большими, не будутъ ссориться и кричать! Перебранившись, а иногда и передравшись другъ съ другомъ, дѣти прибѣгаютъ къ отцу и матери съ жалобою другъ на друга,—и! помилуйте! стоитъ ли разбирать дѣтскія ссоры! Если вы строги, дайте всѣмъ по щелчку или пересѣките всѣхъ розгами, чтобъ никому не было завидно; если вы добры къ дѣтямъ или воспитываете ихъ на благородную ногу, дайте имъ игрушекъ или сластей, да, перецѣловавъ ихъ, вышлите отъ себя, чтобы они опять пошли браниться и драться. Ребенокъ не учится, не хочетъ и слышать, чтобъ взять въ руки книгу, что за нужда, вѣдь онъ еще дитя—подростетъ; будетъ поумнѣе, такъ станетъ и учиться! Ребенокъ хватается за всякую книгу, какая ему ни попадется, хотя бы то была анатомія съ картинками,—что за нужда: вѣдь онъ еще дитя! благо, что охота къ книгамъ есть—пусть лучше навыкаетъ читать, чѣмъ рѣзвиться! Учитель говоритъ отцу, что грамматика, которую онъ купилъ для сына, не годится, что она ужъ устарѣла, или безтолкова, безсмысленна, что ее не понимаетъ самъ авторъ, не знающій ни духа, ни характера языка,—это еще что за новости! восклицаетъ опытный и благоразумный родитель: вѣдь

онъ дитя—для него всякая книга годится, а за Эту я заплатилъ деньги, стало быть, хороша!.... А между тѣмъ заговорите съ «дражайшими родителями» о дѣтяхъ и воспитаніи: сколько общихъ фразъ, сколько ходячихъ истинъ наговорятъ или нарезонёрствуютъ они вамъ! «Ахъ, дѣти! да! какъ тяжко имѣть дѣтей! сколько заботъ! надо выростить да и воспитать! Мы ничего не щадимъ для воспитанія своихъ дѣтей! Изъ послѣднихъ силъ бьемся! Я отдалъ своихъ въ училище, покупаю книги—тьма расходовъ! А мы для своихъ пріискали «мадамъ» или «мамзель», чтобъ дѣти и по-французски знали и на фортепьянахъ играли!» Въ добрый часъ, дражайшіе родители!...

Но это еще только одна сторона воспитанія, или того, что̀ такъ ложно называютъ воспитаніемъ. Это еще только воспитаніе, какъ обыкновенно говорится, на волю Божію, а въ самомъ-то дѣлѣ на волю случаю,—воспитаніе природное, воспитаніе не въ переносномъ, а въ этимологическомъ значеніи этого слова, т. е. воскармливаніе,—воспитаніе простонародное мѣщанское. Есть еще воспитаніе попечительное, деликатное, строгое, благородное. Въ немъ на все обращено вниманіе, ни одна сторона не забыта. При этомъ воспитаніи, дитя ѣстъ и во̀-время и въ мѣру, передъ обѣдомъ непремѣнно ходитъ гулять съ гувернёромъ или гувернанткой, умѣренно рѣзвится, занимается гимнастическими упражненіями на красивыхъ вѣшалкахъ, столбахъ, перекладинахъ; по часамъ учится, въ опредѣленную пору встаетъ и ложится. Физическое воспитаніе въ гармоніи съ нравственнымъ: развитію здоровья и крѣпости тѣла соотвѣтствуетъ развитіе умственныхъ способностей и пріобрѣтеніе познаній. А форма—о, это самое изящество! При опрятности царствуютъ простота и неизысканность, соединенныя съ благородствомъ, достоинствомъ, хорошимъ вкусомъ и хорошимъ тономъ. И это отражается во всемъ: и въ одеждѣ, и въ манерахъ. Одно то чего сто̀итъ, что дитя умѣетъ уже скрывать свои чувства: не хвататься жадно за то, чего жадно желаетъ, не об-

наруживать удивленія и радости къ тому, что возбуждаетъ въ немъ удивленіе и радость, словомъ, научается приличію и тону жертвовать всѣми своими чувствами, даже самыми святыми, самыми человѣческими!... Короче: даже китайскіе мандарины, эти высокіе идеалы и образцы природы искаженной и умершей отъ искусственности,—даже китайскіе мандарины ничто предъ этими милыми, благовоспитанными дѣтьми... И если жизнь человѣческая есть театральная сцена или салонъ, и если «казаться» есть цѣль человѣческой жизни, то въ этомъ образѣ воспитанія мы нашли норму воспитанія.

Воспитаніемъ рѣшается участь человѣка. Конечно, есть такія богатыя и мощныя субстанціи, которыя спасаютъ людей отъ погибели, вслѣдствіе дурного воспитанія, но не менѣе того несомнѣнно и то, что люди съ этими же самыми субстанціями, при хорошемъ воспитаніи, получили бы еще лучшее опредѣленіе и прямѣе бы дошли до своей цѣли, съ силами свѣжими, не истощенными въ борьбѣ съ случайностями. Не говоримъ уже о томъ, что хорошее воспитаніе дурного дѣлаетъ менѣе дурнымъ, а порядочнаго дѣлаетъ положительно хорошимъ, способствуя ему пріобрѣсти опредѣленіе, равное его субстанціи,—что и составляетъ значеніе дѣйствительности человѣка, противополагая это слово призрачности. Молодыя поколѣнія суть гости настоящаго времени и хозяева будущаго, которое есть ихъ настоящее, получаемое ими какъ наслѣдство отъ старѣйшихъ поколѣній. Каждое новое поколѣніе есть зародышъ будущаго, которое должно сдѣлаться настоящимъ, есть новая идея, готовая смѣнить старую идею. На этомъ и основанъ ходъ и прогрессъ человѣчества. «Не вливаютъ вина молодого въ мѣхи старые», сказалъ нашъ божественный Спаситель, и Онъ же изрекъ о дѣтяхъ, приведенныхъ къ Нему для благословенія: «Таковыхъ есть царствіе небесное». Но новое, чтобъ быть дѣйствительнымъ, должно выйти изъ стараго—и въ этомъ законѣ заключается важность воспитанія, и имъ же условливается важность признанія тѣхъ людей, которые берутъ на себя

священную обязанность быть воспитателями дѣтей.

Обыкновенно думаютъ, что душа младенца есть бѣлая доска, на которой можно писать, что угодно. Конечно, нельзя отвергать что воспитаніе, внѣшнія обстоятельства, опытъ жизни имѣютъ на человѣка великое и важное вліяніе; но все-таки возможность опредѣленія человѣка, и истиннаго и ложнаго, заключается въ его субстанціи, а субстанція—въ его организмѣ. Каждый человѣкъ есть индивидъ, и какъ хорошимъ, такъ и худымъ можетъ сдѣлаться только посвоему, индивидуально. Воспитаніе не дѣлаетъ человѣка, но помогаетъ ему дѣлаться (хорошимъ или худымъ), и поэтому, если душа младенца и въ самомъ дѣлѣ есть бѣлая доска, то качество и смыслъ буквъ, которыя пишутъ на ней жизнь, зависятъ не только отъ пишущаго и орудія писанія, но и отъ свойства самой этой доски. А тутъ еще есть, такъ называемыя, нѣкоторыми врожденныя идеи, которыя суть непосредственное созерцаніе истины, заключающееся въ таинствѣ человѣческаго организма. Ребенка нельзя увѣрить, что дважды два—пять, а не четыре. Но это аксіома конечнаго разсудка, а есть еще аксіомы разума, развитіе которыхъ и должно составлять цѣль и заботу воспитанія. Нѣтъ! не бѣлая доска есть душа младенца, а дерево въ зернѣ, человѣкъ въ возможности. Какъ ни скоро сравненіе воспитателя съ садовникомъ, но оно глубоко вѣрно, и мы не затруднимся воспользоваться имъ. Да, младенецъ есть молодой, блѣдно-зеленый ростокъ, едва выглянувшій изъ своего зерна; а воспитатель есть садовникъ, который ходитъ за этимъ росткомъ. Посредствомъ прививки и дикую лѣсную яблоню можно заставить, вмѣсто кислыхъ и маленькихъ яблокъ, давать яблоки садовые, вкусные, большіе; но тщетны были бы всѣ усилія искусства заставить дубъ приносить яблоки, а яблоню—жолуди. А въ этомъ-то именно и заключается по большей части ошибка воспитанія: забываютъ о природѣ, дающей ребенку наклонности и способности и опредѣляющей его значеніе въ жизни.

Не надо развивать въ дѣтяхъ разсудка насчетъ

разумъ, и даже обратить все свое вниманіе только на развитіе послѣдняго, тѣмъ болѣе, что первый и безъ особенныхъ усилій возьметъ свое; ежели несносенъ, пошлъ и гадокъ взрослый человѣкъ, который все великое въ жизни мѣряетъ маленькимъ аршиномъ своего разсудка, и о религіи, искусствѣ и знаніи разсуждаетъ какъ о посѣвѣ хлѣба или выгодной партіи, то еще отвратительнѣе ребенокъ-резонёръ, который разсуждаетъ, потому что еще не въ силахъ мыслить. Да, не только развивать—надо душить, въ самомъ ея зародышѣ, эту несчастную способность резонёрства въ дѣтяхъ; она изсушаетъ въ нихъ источники жизни, любви, благодати; она дѣлаетъ ихъ молоденькими старичками, ставитъ на ходули. Не говорите дѣтямъ о томъ, что̀ такое Богъ: они не поймутъ вашихъ конечныхъ и отвлеченныхъ опредѣленій безконечнаго существа; но заставьте дѣтей полюбить Его, этого Бога, который является имъ и въ ясной лазури неба, и въ ослѣпительномъ блескѣ солнца, и въ торжественномъ великолѣпіи возстающаго дня, и въ грустномъ величіи наступающей ночи, и въ ревѣ бури, и въ раскатахъ грома, и въ цвѣтахъ радуги, и въ зелени лѣсовъ, и во всемъ, что̀ есть въ природѣ живого, такъ безмолвно и вмѣстѣ такъ краснорѣчиво говорящаго душѣ юной и свѣжей, и, наконецъ, во всякомъ благородномъ порывѣ, во всякомъ чистомъ движеніи ихъ младенческаго сердца. Не разсуждайте съ дѣтьми о томъ, какое наказаніе полагаетъ Богъ за такой-то грѣхъ, не показывайте имъ Бога, какъ грознаго, карающаго Судію, но учите ихъ смотрѣть на Него безъ трепета и страха, какъ на отца, безконечно любящаго своихъ дѣтей, которыхъ Онъ создалъ для блаженства, и которыхъ блаженство Онъ искупилъ мученіемъ на Крестѣ. Внушайте дѣтямъ страхъ Божій, какъ начало премудрости, но дѣлайте такъ, что бы этотъ страхъ вытекалъ изъ любви же, и чтобы не боязнь наказанія, но боязнь оскорбить Отца, благого, любящаго, а не грознаго и мстящаго, производила этотъ страхъ. Обращайте ваше вниманіе не на истребленіе недостатковъ

и пороковъ въ дѣтяхъ, но на наполненіе ихъ живительною любовію: будетъ любовь,—не будетъ пороковъ. Истребленіе дурного безъ наполненія хорошимъ—безплодно: оно производитъ пустоту, а пустота безпрестанно наполняется—пустотою же: выгоните одну, явится другая. «Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ».

На однихъ родителяхъ лежитъ священнѣйшая обязанность сдѣлать своихъ дѣтей человѣками; обязанность же учебныхъ заведеній—сдѣлать ихъ учеными, гражданами, членами государства на всѣхъ его ступеняхъ. Но кто не сдѣлался прежде всего человѣкомъ, тотъ плохой гражданинъ, плохой слуга государю. Изъ этого видно, какъ важенъ, великъ и священенъ санъ воспитателя: въ его рукахъ участь цѣлой жизни человѣка. Первыя впечатлѣнія могущественно дѣйствуютъ на юную душу: все дальнѣйшее ея развитіе совершается подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ. Всякій человѣкъ, еще не родившись на свѣтъ, въ самомъ себѣ носитъ уже возможность той формы, того опредѣленія, какое ему нужно. Эта возможность заключается въ его организмѣ, отъ котораго зависитъ и его темпераментъ, и его характеръ, и его умственныя средства, и его наклонность и способность къ тому или другому роду дѣятельности, къ той или другой роли въ общественной драмѣ,—словомъ, вся его индивидуальная личность. По своей природѣ. никто не выше, ни ниже самого себя: Наполеономъ или Шекспиромъ должно родиться, но нельзя сдѣлаться; хорошій офицеръ часто бываетъ плохимъ генераломъ, а хорошій водевилистъ дурнымъ трагикомъ. Это уже судьба, передъ которою безсильна и человѣческая воля и самыя счастливыя обстоятельства. Назначеніе человѣка—развить лежащее въ его натурѣ зерно духовныхъ средствъ, стать вровень съ самимъ собою, но не въ его волѣ и не въ его силахъ пріобрѣсти трудомъ и усиліемъ сверхъ даннаго ему природою, сдѣлаться выше самого себя, равно какъ и быть не тѣмъ, чѣмъ ему назначено быть, какъ, напримѣръ, художни-

комъ, когда онъ родился быть мыслителемъ, и т. д.

Воспитаніе, чтобы быть жизнію, а не смертію, должно быть помощникомъ природѣ—не больше.

Орудіемъ и посредникомъ воспитанія должна быть любовь, а цѣлью—человѣчность (die Humanität). Первоначальное воспитаніе должно видѣть въ дитяти не чиновника, не поэта, не ремесленника, но человѣка, который могъ бы впослѣдствіи быть тѣмъ или другимъ, не переставая быть человѣкомъ. Подъ человѣчностью мы разумѣемъ живое соединеніе въ одномъ лицѣ тѣхъ общихъ элементовъ духа, которые равно необходимы для всякаго человѣка, какой бы онъ ни былъ націи, какого бы онъ ни былъ званія, состоянія, въ какомъ бы возрастѣ жизни и при какихъ бы обстоятельствахъ ни находился,—тѣхъ общихъ элементовъ, которые должны составлять его внутреннюю жизнь, его драгоцѣннѣйшее сокровище и безъ которыхъ онъ не человѣкъ. Подъ этими общими элементами духа мы разумѣемъ—доступность всякому человѣческому чувству, всякой человѣческой мысли, смотря по глубокости натуры и степени образованія каждаго. Чѣмъ глубже натура и развитіе человѣка, тѣмъ болѣе онъ человѣкъ и тѣмъ доступнѣе ему все человѣческое. Онъ пойметъ и радостный крикъ дитяти при видѣ пролетѣвшей птички, и бурное волненіе страстей въ волканической груди юноши, и спокойное самообладаніе мужа, и созерцательное упоеніе старца, и жгучее отчаяніе, и дикую радость, и безмолвное страданіе, и затаенную грусть, и восторги счастливой любви, и тоску разлуки, и слезы отринутаго чувства, и нѣмую мольбу взоровъ, и высокость самоотверженія, и сладость молитвы, и все, что въ жизни и въ чемъ есть жизнь. Опытъ и опытность не суть необходимое условіе такой всеобъемлющей доступности: чтобы понять и младенца, и юношу, и мужа, и старца, и женщину, ему не нужно быть вмѣстѣ и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ; ему не нужно даже быть въ томъ положеніи, которое интересуетъ его въ каждомъ изъ нихъ: лишь бы представилось ему явленіе, а ужъ его

чувство безсознательно откликнется на него и поймутъ его. На все будетъ у него и привѣтъ и отвѣтъ, и участіе и утѣшеніе, чистая радость о счастіи ближняго; и состраданіе въ его горѣ, и улыбка на полный блаженства взоръ, и слеза на горькія слезы! Ему понятна и возможность не только слабостей и заблужденій, но и самыхъ пороковъ, самыхъ преступленій: презирая слабости и заблужденія, онъ будетъ жалѣть о слабыхъ и заблуждающихся; проклиная пороки и преступленія, онъ будетъ сострадать порочнымъ и преступнымъ. Его грудь равно открыта и для задушевной тайны друга, и для робкаго признанія юнаго, страждущаго существа, и для души, томящейся обременительной полнотою блаженства, и для растерзаннаго страданіемъ сердца, и для рыдающаго раскаянія, и для самой ужасной повѣсти страстей и заблужденій. Онъ уважаетъ чувство и друга и недруга; для него святы и горе и радость знакомаго и незнакомаго человѣка. Съ нимъ такъ тепло и отрадно и своему и чужому; онъ во всѣхъ внушаетъ такую довѣрчивость, такую откровенность. Въ его душѣ столько теплоты и сочувствія, въ его словахъ такая кротость и задумчивость, въ его манерахъ столько мягкости и деликатности.

Кромѣ чувства человѣчности, необходимо развивать въ дѣтяхъ и чувство безконечнаго. Основу, сущность, элементъ высшей жизни въ человѣкѣ составляетъ его внутреннее ощущеніе безконечнаго, которое, какъ чувство, лежитъ въ его организаціи. Чувство безконечнаго есть искра Божія, зерно любви и благодати, живой электрическій проводникъ между человѣкомъ и Богомъ. Степени этого чувства различны въ людяхъ, по глаголу Христа: «И далъ одному пять талантовъ, другому два, третьему одинъ, каждому по его силѣ»; но мѣрою глубины этого чувства измѣряется достоинство человѣка и близость его къ источнику жизни—къ Богу. Все человѣческое знаніе должно быть выражено словомъ, переведеніемъ на понятія, опредѣленіемъ, словомъ—сознаніемъ таинственныхъ проявленій этого чувства, безъ

котораго, поэтому, всѣ наши понятія и опредѣленія суть слова безъ смысла, форма безъ содержанія, сухая, безплодная и мертвая отвлеченность. Безъ чувства безконечнаго въ человѣкѣ не можетъ быть и внутренняго, духовнаго созерцанія истины, потому что непосредственное созерцаніе истины основывается, какъ на фундаментѣ, на чувствѣ безконечнаго. Это чувство есть даръ природы, результатъ счастливой организаціи, и потому свойственно и дѣтямъ, въ которыхъ лежитъ, какъ зародышъ,—и развитіе, возращеніе этого зародыша и должно составлять главную заботу воспитанія.

Но что же можно читать дѣтямъ? Изъ сочиненій, писанныхъ для всѣхъ возрастовъ, давайте имъ «Басни» Крылова, въ которыхъ даже практическія, житейскія мысли облечены въ такіе плѣнительные поэтическіе образы и все такъ рѣзко запечатлѣно печатію русскаго ума и русскаго духа; давайте имъ «Юрія Милославскаго» г. Загоскина, въ которомъ столько душевной теплоты, столько патріотическаго чувства, который такъ простъ, такъ наивенъ, такъ чуждъ возмущающихъ душу картинъ, такъ доступенъ дѣтскому воображенію и чувству; давайте «Овсяный кисель», эту наивную, дышащую младенческою поэзіею піесу Гебеля, такъ превосходно переведенную Жуковскимъ; давайте имъ нѣкоторыя изъ народныхъ сказокъ Пушкина, какъ, напримѣръ, «О рыбакѣ и рыбкѣ», которая, при высокой поэзіи, отличается по причинѣ своей безконечной народности, доступностію для всѣхъ возрастовъ и сословій, и заключаетъ въ себѣ нравственную идею. Не давая дѣтямъ въ руки самой книги, можно читать имъ отрывки изъ нѣкоторыхъ поэмъ Пушкина, какъ, напримѣръ, въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» изображеніе черкесскихъ нравовъ, въ «Русланѣ и Людмилѣ» эпизоды битвъ, о полѣ покрытомъ мертвыми костями, о богатырской головѣ; въ «Полтавѣ» описаніе битвы, появленіе Петра Великаго; наконецъ, нѣкоторыя изъ мелкихъ стихотвореній Пушкина, каковы: «Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ», «Женихъ», «Пиръ Петра Великаго», «Зимній вечеръ»,

«Утопленникъ», «Бѣсы»; нѣкоторыя изъ пѣсенъ западныхъ славянъ, а для болѣе взрослыхъ—«Клеветникамъ Россіи» и «Бородинскую годовщину». Не заботьтесь о томъ, что дѣти мало тутъ поймутъ, но именно и старайтесь, чтобы они какъ можно менѣе понимали, но больше чувствовали. Пусть ухо ихъ пріучается къ гармоніи русскаго слова, сердца преисполняются чувствомъ изящнаго; пусть и поэзія дѣйствуетъ на нихъ, какъ и музыка,—прямо черезъ сердце, мимо головы, для которой еще настанетъ свое время, свой чередъ. Очень полезно и даже необходимо знакомить дѣтей съ русскими народными пѣснями, читать имъ, съ немногими пропусками, стихотворныя сказки Кирши Данилова. Народность обыкновенно выпускается у насъ изъ плана воспитанія; часто не только юноши, но и дѣти знаютъ наизусть отрывки изъ трагедій Корнеля и Расина, и умѣютъ пересказать десятокъ анекдотовъ о Генрихѣ IV, о Людовикѣ XIV, а между тѣмъ не имѣютъ и понятія о сокровищахъ своей народной поэзіи, о русской литературѣ, и дѣти отъ дядекъ и мамокъ узнаютъ, что былъ на Руси великій царь—Петръ I. Давайте дѣтямъ больше и больше созерцанія общаго, человѣческаго, мірового; но преимущественно старайтесь знакомить ихъ съ этимъ чрезъ родныя и національныя явленія: пусть они сперва узнаютъ о Петрѣ Великомъ, и о Іоаннѣ III, чѣмъ о Генрихахъ, Карлахъ и Наполеонахъ. Общее является только въ частномъ: кто не принадлежитъ своему отечеству, тотъ не принадлежитъ и человѣчеству.

Книги, которыя пишутся собственно для дѣтей, должны входить въ планъ воспитанія, какъ одна изъ важнѣйшихъ его сторонъ. Наша литература особенно бѣдна книгами для воспитанія, въ обширномъ значеніи этого слова, т. е. какъ учебными, такъ и литературными дѣтскими книгами. Но эта бѣдность нашей литературы покуда еще не можетъ быть для нея важнымъ упрекомъ. Посмотрите на богатыя литературы французовъ, англичанъ, и даже самихъ нѣмцевъ: у всѣхъ у нихъ дѣтскихъ книгъ много, но читать дѣтямъ нечего,

или, по крайней мѣрѣ, очень мало. И это очень естественно: должно родиться, а не сдѣлаться дѣтскимъ писателемъ. Это своего рода призваніе. Тутъ требуется не только талантъ, но и своего рода геній... Да, много, много нужно условій для образованія дѣтскаго писателя: нужны—душа благодатная, любящая, кроткая, спокойная, младенчески-простодушная, умъ возвышенный, образованный, взглядъ на предметы просвѣтленный, и не только живое воображеніе, но и живая, поэтическая фантазія, способная представить все въ одушевленныхъ, радужныхъ образахъ. Разумѣется, что любовь къ дѣтямъ, глубокое знаніе потребностей, особенностей и оттѣнковъ дѣтскаго возраста есть одно изъ важнѣйшихъ условій, а между тѣмъ воспитаніе, по мнѣнію Бѣлинскаго, великое дѣло.

Но осудивъ современное воспитаніе, указавъ всѣ отрицательныя стороны его, Бѣлинскій рисуетъ и тотъ идеалъ воспитанія, который представляется ему единственнымъ, истиннымъ: Первая забота воспитанія, по его словамъ, должна состоять въ томъ, что однимъ изъ главныхъ образовательныхъ факторовъ, является, безспорно, чтеніе. Потому Бѣлинскій не могъ умолчать о столь важномъ педагогическомъ вопросѣ.

Не думайте, что этимъ я исчерпалъ всю глубину взглядовъ В. Гр. Бѣлинскаго на вопросъ о воспитаніи. Еще много и много можно бы указать въ его сочиненіяхъ по поводу интересующаго насъ вопроса, но краткость времени не позволяетъ намъ сдѣлать этого.

Замѣтимъ въ заключеніе, что педагогическая дѣятельность не была, по словамъ Пыпина, призваніемъ Бѣлинскаго, и подивимся глубинѣ и основательности приведенныхъ выше мнѣній его.

Что-же заставило чуткую душу В. Гр. откликнуться на столь чуждый его природной склонности вопросъ? Горячая любовь къ юношеству и сожалѣніе о томъ, что неправильности воспитанія, часто роковымъ образомъ вліяютъ на него и нравственно уродуютъ его.

И мертвый—живъ онъ между нами
И—плачетъ горькими слезами
О поколѣньѣ молодомъ,
Святую вѣру потерявшемъ,
Холодномъ, черствомъ и нѣмомъ,
Передъ борьбой позорно павшемъ...
Онъ грозно шелъ на грозный бой,
Съ самоотверженной душой.
Онъ подъ огнемъ враговъ опасныхъ,
Для насъ дорогу пролагалъ
И въ лету груды самовластныхъ
Авторитетовъ побросалъ.

. . . . . .

Исполненъ прямоты и силы,
Безстрашно шелъ онъ до могилы
Стезою правды и добра.

. . . . . .

И, умирая, думалъ онъ,
Что путь его ужъ совершенъ,
Что молодыя поколѣнья
По имъ открытому пути
Пойдутъ безъ страха и сомнѣнья,
Чтобъ къ цѣли, наконецъ, дойти.
Но молодыя поколѣнья,—
Полны и страха и сомнѣнья—
Тамъ, гдѣ онъ палъ, на мѣстѣ палъ,
Въ смущеньи робкомъ суетятся.
И имъ проложеннымъ путемъ
Умѣютъ только любоваться.

. . . . . .

Итакъ, не будемъ огорчать нашего покойнаго учителя. Пусть его неуклонное исканіе истины послужитъ намъ примѣромъ, пойдемъ по тому пути, по которому шелъ нашъ учитель, и покажемъ, что мы умѣемъ не только любоваться имъ, но и неуклонно стремиться къ нему, къ высокому идеалу истины, блага и красоты.

Stanford University Libraries
3 6105 124 447 298

PG
2947
B5B88

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.